

ских и других «неформальных» кругов общения), что поддерживает стабильность однонациональных семей коренной национальности (с. 114). Думается, вместе с тем, что при анализе разводимости в национально-смешанных семьях, особенно при сравнении с однонациональными, необходим также учет социально-демографических факторов. Одинакова ли устойчивость семей, отличающихся не только по этническим, но и возрастным, социально-профессиональным, образовательным и другим характеристикам? Кроме того, как подсказывает наш опыт, вывод о большей или меньшей стабильности межэтнических семей не может быть сделан лишь на основе статистики. Наши материалы показывают, что негативные социальные явления нередко переносятся в сферу межнациональных отношений и оцениваются как этнический фактор дестабилизации семейной жизни. Видимо, более корректный ответ на вопрос о стабильности межэтнических семей может дать сопоставление статистических материалов с данными конкретно-социологических исследований, включающее анализ факторов (в том числе и мотивов) разводимости.

Наконец, заключительный сюжет третьего раздела посвящен рассмотрению национальности детей в национально-смешанных семьях. Вопрос этот важен, ибо через уровень детности и национальное самоопределение подростков межнациональные семьи могут оказывать влияние на численность контактирующих групп. В связи с этим нередко приходится слышать (и в книге об этом упомянуто), что межнациональные браки нежелательны, так как угрожают существованию малых наций, разрушая их культуру, и в итоге ведут к ассимиляции их большими нациями. Однако приведенный автором материал весьма убедительно свидетельствует, что существующее соотношение между эндогамией и степенью межэтнических брачных контактов у народов нашей страны, а также особенности этнического самоопределения подростков в национально-смешанных семьях практически могут оказать влияние лишь на численность этнодисперсных групп, но никак не на этнос в целом. Есть и другая сторона проблемы, лишь затронутая в рецензируемом издании: насколько подростки из национально-смешанных семей по этнокультурным характеристикам являются представителями того этноса, к которому себя причисляют? Автор считает, что такие подростки аккумулируют культурные черты обоих «родительских» этносов (с. 125, 128). Видимо, все же этот тезис нуждается в значительном подкреплении фактическим материалом, ибо процессы в национально-смешанных семьях достаточно сложны и неоднонаправленны.

Очень важным, на наш взгляд, является приведенный в заключении прогноз развития процесса межнациональной брачности, основным направлением которого будет расширяющаяся тенденция к интеграции советского общества, включения все большего круга людей различных национальностей в сферу межнациональных взаимоотношений. Все это объективные процессы, в деле изучения которых много могут сделать, как правильно отмечает А. А. Сусоколов, такие науки, как этнография, социология, демография, психология. Они помогут не только осветить основные тенденции развития межнациональной брачности, но и выявить негативные явления, с которыми сталкиваются национально-смешанные семьи. Рецензируемая книга — одна из немногих и весьма удачных попыток объективного освещения этого процесса. Думается, что постановка основных проблем послужит стимулом для расширения подобных исследований.

Г. Р. Столярова

Примечания

¹ См.: Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; Терентьева Л. Н., Устинова М. Я. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах в СССР. Историографический очерк // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979.

Л. Н. Ч и ж и к о в а. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. (XIX XX века). М., 1988. 254 с.

Русская классическая этнография обогатилась новым серьезным исследованием. Объектом его явился сложнейший для этнографического изучения регион тесного контакта двух восточнославянских народов, охватывающий огромную территорию — бывшие Курскую, Воронежскую и Харьковскую губернии.

Этническая близость двух народов, усиливающаяся в контактной зоне, создает дополнительные трудности при анализе культурно-бытовых процессов. Только специалист, в равной мере свободно владеющий знанием традиционной культуры и русских, и украинцев, может решать задачи выявления своеобразия этнической ситуации такого района. Этим свойством и обладает в самой высокой степени автор рецензируемой книги.

Сложность этнической структуры края усиливалась постоянным притоком русских и украинских переселенцев, принадлежавших уже в местах выхода к разным социальным и локальным группам. Поэтому исследователю приходилось выявлять исторические наслоения одновременно с осуществлением типологизации по собственно этнографическим основаниям. Такой подход последовательно проводится по всем трем крупным проблемам, выделенным автором: формирование населения региона и его этническая динамика; особенности развития жилища; этническая специфика традиционной одежды.

Огромна источниковая база работы. Это прежде всего полевые материалы автора, собранные во время экспедиций 1966—1980 гг., охвативших 60 сел на территории шести современных областей. В ходе экспедиций сбор сведений методами наблюдения, выборочного опроса-беседы, фиксации вещественных материалов сочетался с использованием на местах письменных источников — хозяйственных книг и документации загсов. Но основная масса письменных материалов разного типа была извлечена из 11 фондов архивов Ленинграда, Москвы, Украины и Курска. Результативным оказалось использование описаний, составленных по программам научных обществ — Географического, Любителей естествознания, антропологии и этнографии, Этнографического бюро Тенишева и особенно Историко-филологического общества при Харьковском университете.

Исследование одежды опирается на многочисленные коллекции центральных и местных музеев, в которых Л. Н. Чижиковой изучены сотни предметов русского и украинского традиционного костюма. Помимо собственных полевых, архивных сборов и материалов коллекций автор умело использует результаты смежных наук: диалектологии, антропологии и демографии.

Впервые в историко-этнографической литературе выделены основные этапы формирования населения в русско-украинском контактном регионе и определены особенности заселения отдельных территорий. В результате комплексного использования данных разных дисциплин удалось установить места выхода переселенцев. Сложность анализа этнических процессов усугублялась тем, что древнее славянское население приокских районов, впитавшее угро-финский субстрат и поздние миграции с севера, приняло некогда и поток двигавшихся с юга донских славянских племен.

Представляется убедительным вывод о том, что «по водной системе верховий Дона и его притоков осуществлялись продолжительные этнические связи населения среднего течения Оки и Воронежского Подонья». Особенно ценно, что Л. Н. Чижикова в главах, посвященных материальной культуре, прослеживает отражение связей населения этих районов в поздних этнографических материалах. По-видимому, «степняки» с Дона, пришедшие некогда в приокский район и слившиеся там с местным населением, в период массового заселения Воронежского Подонья, в XVI—XVIII вв., «возвращаются» в донские степи.

В книге показана консолидация русского населения в изучаемом регионе на основе преобладающего южнорусского, а также среднерусского и западнорусского этнических компонентов. Одновременно локальные особенности отдельных компонентов культуры (особенно в говорах) приводили к появлению таких этнонимов, как *цуканы*, *ягуны*, *горюны*, *саяны* и пр. В исследовании дается характеристика многочисленных локальных групп русских.

Определенные различия в культурно-бытовой сфере русского населения были вызваны также сословными особенностями однодворцев — потомков служилых людей, которые несли сторожевую службу на южных окраинах Русского государства и занимали промежуточное положение между крестьянами и мелкопоместным дворянством. Приравненные юридически в XVIII в. к государственному крестьянству, однодворцы стремились тем не менее подчеркнуть свое отличие от основной массы крестьянства. Отсюда и сохранение специфики в материальной культуре. Потребность в обособлении увеличивалась по мере заселения территории помещичьими крестьянами. В рассмотрении однодворцев, как и в решении ряда других вопросов, автор учитывает соотношение социальных и этнических факторов.

Южнее Белгородской оборонительной линии преобладала украинская колонизация. Поселения украинцев (выходцев с Правобережной и Левобережной Украины) располагались либо компактно — так было в южной части Воронежской губернии, либо чересполосно с русскими. Система расселения оказывала, как раскрыто в работе, существенное влияние на развитие национального самосознания.

Установление закономерностей развития национального самосознания в контактном районе двух близких по этнической характеристике крупных народов — один из самых существенных теоретических результатов исследования Л. Н. Чижиковой. Опираясь на представленные материалы опроса населения, автор вскрывает частоту неуверенного, неустойчивого определения национальной принадлежности на смежных территориях обеих республик. Это явление особенно заметно в местах с национально-смешанным характером расселения. Не менее важным, чем этническая среда, фактором, влияющим на национальное самосознание, является употребление языка в системе школьного обучения и местном делопроизводстве.

Исследовательница устанавливает тесную взаимосвязь национального самосознания и языка по всему региону русско-украинского пограничья. Отмечено два пути развития здесь двуязычия: так называемое бытовое двуязычие на основе местных говоров (преимущественно на территории РСФСР) и двуязычие в сфере литературных языков (в основном в УССР). В любой языковой ситуации присутствует этнокультурное взаимовлияние. Это четко прослеживается в книге Л. Н. Чижиковой на основе двух важнейших компонентов культуры — жилища и одежды.

Если первый из этих компонентов особенно подвержен воздействию естественно-географической среды и социально-экономических условий и потому, как правило, бывает сходен у этносов, проживающих на одной территории, то второй, наиболее консервативный, заметно сохраняет этническую специфику. Детальнейший анализ этих двух показателей и позволил автору обоснованно выявить этнокультурное взаимовлияние.

Традиционное жилище рассматривается в книге в историческом развитии. На основании письменных источников в воронежских постройках XVII в. прослеживаются признаки, характерные для жилища лесного нечерноземного Центра России: дом на подклете, двухскатная тесовая крыша, двор, огороженный дубовым тыном. Дальнейшее развитие района приводит к возникновению специфического южного комплекса жилища, сходного у русских и украинцев.

Исследователь выделяет элементы, в которых прослеживается сходство. Это — техника сооружения срубных стен, пола и потолка, двухкамерный и трехкамерный планы дома, наличие и строго

традиционное расположение духовой русской печи. К сходным чертам справедливо отнесены также «общий архитектурный облик сравнительно низкой жилой постройки, покрытой соломенной, четырехскатной крышей» (с. 126), обмазка глиной и побелка стен, расположение переднего угла, стола, неподвижных лавок и открытый тип двора, отгороженного плетневыми хозяйственными строениями.

Не менее четко выявлены Л. Н. Чижиковой на фоне этого сходства локальные особенности. Более всего они обнаруживались в способах постановки дома по отношению к улице, в деталях внутренней планировки жилого помещения, в типах дворовой застройки. На основе этих различий в рассматриваемом регионе выделены южнорусский и восточнорусский комплексы жилища. В первом из них определены два варианта — западный и восточный. В монографии обстоятельно освещено территориальное размещение каждого из комплексов с вариантами.

Особенный интерес представляет, на наш взгляд, устанавливаемая автором связь между формированием особых комплексов жилища и движением миграционных потоков. Южнорусский комплекс в его восточном варианте распространился здесь в результате переселения из рязанской, тульской, тамбовской и восточноорловской земель. Западный вариант принесли мигранты из верховой Оки и бассейна Десны. Восточнорусский («харьковский») комплекс жилища (распространенный как в украинских, так и в русских селениях южных районов Курской и Воронежской губерний) связан был с массовым движением украинцев в пределы русских земель.

Самостоятельное значение имеет представленная в книге характеристика хозяйственных построек. Она основана на большом полевом и архивном материале и проливает свет на многие стороны хозяйства, образа жизни русских и украинских крестьян XIX в. Практически каждый хозяин имел амбар, а также сарай и навесы для сельскохозяйственных орудий, транспорта и топлива, служившие обычно и мастерскими; в глубине двора строили сарай для коров, конюшню, кошару для овец и навесы для скота; за двором, в конце огорода, устраивалось гумно с высоким сараем для хранения хлеба в снопах, обмолота и просушки. При строительстве хозяйственных помещений нередко сохранялись, как показано в работе, архаичные приемы и элементы, уже не применявшиеся при возведении жилых построек. Выявление их дает дополнительные сведения по этнической истории региона.

Наибольшие трудности в решении типологических задач ожидали исследовательницу при изучении традиционной одежды региона, так как именно в ней максимально отразились сложные миграционные наслоения. Были обнаружены многие типы компонентов одежды, бытовавшие в центральных, западных и южных губерниях страны на фоне определенной специфики изучаемой зоны. Только детальный и виртуозный анализ позволил Л. Н. Чижиковой провести последовательную систематизацию, которая превращает весь материал в важнейший источник по этнической истории не только данного региона, но и прилегающих территорий.

В основу типологии положен покрой одежды «как наиболее устойчивый и существенный критерий» (с. 136), применявшийся уже рядом исследователей восточнославянской одежды. Вместе с тем автор учитывает, что материал, украшения и колорит также могли быть устойчивыми и ареальными признаками, хотя значимость их при типологии отдельных компонентов одежды может быть различной (служат то основными, то дополнительными критериями).

Типологическое разнообразие одежды в изучаемом районе как следствие этнической и социальной неоднородности было особенно выражено в женской русской одежде. Л. Н. Чижиковой установлено, что здесь бытовали все комплексы, выявленные исследователями при изучении основной территории этнического формирования русских. Все многообразие форм женской поясной одежды автор сводит (по особенностям кроя) в две группы, в которых выделены типы, подтипы, варианты и виды. Для каждой из этих категорий выяснена территория распространения в пределах региона и прослежены истоки появления их на данной территории.

Особенности ткани, из которой шили поневу или юбку, определялись сырьем, приемами ткачества, узором, цветовой гаммой. Нередко даже в отдельных селах поневы имели свою характерную гамму цветных ниток. Автор выделяет четыре вида так называемой глухой поневы. Строгая четкость типологии сочетается здесь с яркой и выразительной искусствоведческой характеристикой приемов ковровой вышивки и аппликации. Это сочетание присуще и описанию украшений сарафанов, нагрудной одежды, головных уборов.

По-видимому, жесткое подчинение всего изложения задачам типологии одежды, рассматриваемой в связи с этнической историей края, помешало Л. Н. Чижиковой специально отметить многообразные проявления художественного вкуса и мастерства как свидетельства высокого уровня народного эстетического воспитания. Между тем именно за счет художественного видения самого автора рецензируемого труда читатель приобщается к духовному богатству, создаваемому и потребляемому русскими и украинскими крестьянами в повседневности.

Функция традиционной одежды как знака социального положения особенно интересно выявлена в книге в связи с костюмом однодворцев. Женщины однодворцев сохраняли сарафан там, где бывшие монастырские и помещичьи крестьянки носили поневы, и, наоборот, у потомков однодворцев бытовала понева в районах, в которых сарафан служил признаком помещичьих или монастырских крестьян. Генетически это явление было связано с местами выхода тех и других, но четко сохранялось в силу сословных различий.

Л. Н. Чижикова выделила 10 локальных производных комплексов женской одежды, каждый из которых имел выраженные особенности в пределах его ареала. В описании их использована система тип — подтип — вариант — вид — разновидность для основных элементов костюма и прослежены аналогии их в других районах страны. В украинских селах изученной автором зоны преобладал украинский национальный костюм, элементы которого также определены в исследовании. Здесь

раньше, чем в русских селениях, началось разрушение традиционных форм одежды и появление в конце XIX — начале XX в. черт, свойственных костюму городского населения.

Для общих выводов об этнических процессах в выделенном регионе в книге привлечены характеристики и других компонентов культуры, основанные на опубликованных исследованиях самого автора, не вошедших в данную работу, и на результатах трудов русских и украинских этнографов. Л. Н. Чижилова вскрывает два разных основания культурно-бытовой общности в русско-украинском пограничье. Многие черты сходны у всех восточных славян и являются результатом их общего происхождения. К ним относятся, например, приемы сооружения срубного жилища, способы тканья, вышивки, крашения, многие обряды свадьбы и пр. Другие же общие традиции возникли сравнительно поздно и отражают процессы межэтнической интеграции, основанные на непосредственных контактах.

Книга «Русско-украинское пограничье» — результат многолетних исследований подлинного знатока конкретных компонентов культуры, включившего их в строгую систему классификации. Предлагаемая автором типология — новая ступень развития точной этнографии. Она применима не только к русским и восточным славянам в целом, но в ряде аспектов может быть использована при анализе этнических процессов у других народов Европы. В самом исследовании подход автора уже дал результаты, выходящие за пределы изученного региона: обоснованно определены направления миграционных потоков на разных этапах исторического развития.

Остается лишь пожалеть, что издательство выпустило работу столь малым тиражом — 2300 экземпляров. Эта книга нужна не только достаточно широкому кругу специалистов (в том числе и по смежным дисциплинам), но и многим практическим работникам, вплоть до энтузиастов народных музеев, для которых послужит определителем при сборе материала. Огорчает и качество бумаги издания: великолепная коллекция иллюстративных материалов Л. Н. Чижиловой не только представлена в книге лишь малой толикой, но и отпечатана на плохой бумаге, с грубым искажением цвета.

М. М. Громыко

Н. И. Мирон и е ц. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988. 176 с.

Новая книга Н. И. Миронец — это фактически первое исследование стихов и песен (литературного и фольклорного происхождения) периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в качестве исторического источника. Автор показывает, что рассматриваемый материал является первоклассным источником для изучения общественной психологии классов и социальных групп этого времени. Основанная на глубоком изучении собранных буквально по крупицам данных (автор изучил важнейшие издания поэтических текстов рассматриваемой эпохи — периодическую печать, коллекции листовок, рукописные материалы Института русской литературы АН СССР, Центрального государственного архива литературы и искусства, Государственного литературного музея, Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Рылского), рецензируемая книга раскрывает перед читателем широкую картину участия народных масс в революции. Перед нами как бы заново оживает тревожная и бурная эпоха становления Советского государства, время пробуждения масс к активной творческой жизни, формирования новых политических и эстетических идеалов.

Монография Н. И. Миронец создана в области пересечения интересов фольклористики, филологии, истории и источниковедения. Автор одинаково легко ориентируется в литературе названных наук, комплексно исследует сохранившиеся источники, умело применяет самые разнообразные приемы и методики различных дисциплин. Поэтому рецензируемая книга представит интерес для исследователей самого разного профиля. К ней будут обращаться источниковеды при изучении такого специфического источника, как произведение словесного искусства. Она будет полезна для историков при раскрытии социальной психологии народных масс на переломных этапах истории. В ней найдет много нового филолог при изучении становления советской поэзии: именно на это время падает первоначальный этап творчества многих советских поэтов, начинавших свой творческий путь в армейской печати. Наконец, эта книга незаменима для фольклористов, исследующих такие проблемы, как взаимодействие фольклора и литературы, соотношение массового и индивидуального творчества, роль печатного слова в распространении фольклора и т. д.

Следует отметить высокий профессионализм исследовательницы: в книге исправлены или уточнены многие вопросы, касающиеся авторства песен, ставших потом народными, времени их создания, первой публикации, форм распространения и пр. Перед нами серьезный научный труд, к основным выводам которого читатель может отнестись с доверием: все сообщаемые автором факты подтверждены документально.

Особо следует отметить, что Н. И. Миронец с равной степенью полноты владеет как русским, так и украинским материалом. Это дало ей возможность создать исследование, показывающее общность процессов, происходивших в исследуемое время и в России, и на Украине, подчеркнуть единство литературно-фольклорных явлений в них, единую линию партийного руководства, общность в выражении в массовой поэзии советского патриотизма и пролетарского интернационализма, агитационно-пропагандистскую роль революционной поэзии и русского, и украинского народов. И в этом плане рецензируемая книга получает особое звучание в наши дни, когда проблема изучения национальных отношений и исторических корней дружбы советских народов становится одной из самых перспективных и актуальных.